

Темперамент и реализм

О Свердловском драматическом театре

Театральная культура нашей страны характеризуется творческим ростом периферийного театра. С каждым годом растет количество театров, ставящих перед собой самые трудные и серьезные задачи, не желающих мириться с случайным репертуаром и случайным руководством, создающих свою идейно-творческую ответственность перед народом. Конечно, еще далеко не изжиты многочисленные родимые пятна прошлого; мелкобуржуазная распушенность, претенциозная безвкусица, дешевая манерность, чванство, лживая декламационная риторика, анархический индивидуализм и самодовольное невежество еще дают о себе знать. Но настоящий расцвет театральной культуры, неизменный рост художественной добросовестности налицо. Каждый год приезжают периферийные театры в Москву и каждый раз демонстрируют все более высокую ступень своей культуры.

В этом году нас порадовал Свердловский драматический театр. Он имеет сильный коллектив, насчитывающий немало талантливых артистов, серьезное руководство, интересный репертуар. Это — один из заслуженных театральных организаций в нашей стране. Ему есть что показать и есть чем похвалиться. К такому театру подходишь с повышенными требованиями. Хочется, чтобы он скорее освободился от своих недостатков, хорошо их осознал и явился через год еще более окрепшим, обогащенным и обогащенным.

Приезжая Свердловский театр в Москву четыре спектакля: «Павла Грекова» Войтехова и Ленча, «Падь Серебряную» Н. Погодина, «Царя Федора» А. К. Толстого и «Мать» Карела Чапека.

Какое качество этих спектаклей? «Павел Греков» смотрится с интересом. Волнует не только материал пьесы. Волнует разрешение многих сцен. Объяснение старых рабочих с молодыми и вся сцена обвала сделаны четко и драматически сильно. Сцена в квартире Звонковой, несмотря на бытовое ordinарное разрешение, все же сохраняет сатирическую остроту. Запоминается заседание парткома благодаря удачной и выразительной фигуре секретаря парткома Рыдая (т. Заря), энергичной и яркой фигуре члена парткома Петрова (т. Бакакин), умной простоте т. Токаревой, играющей члена парткома Полову, и сатирической четкости в игре т. Олигина, играющего члена парткома Караса и передающего очень сильно моральную нпаость, шкурничество перерожденца. Запоминается фигура буржуа-

ного националиста Нараулаева в исполнении т. Георгиевского. Запоминается особенно хорошая простота, искренность и задумчивость т. Амман-Дальской, исполняющей роль Маши Крыловой, и лирическая фигура Мир-Ахметовой в исполнении т. Малиновской.

Спектакль смотрится с интересом, но оставляет все же чувство неудовлетворенности. Постепенно создается впечатление какого-то равнодушия художников, какой-то боязни сказать полным голосом то, что они думают и чувствуют, какой-то оглядки по сторонам. Ведь «Павел Греков» — лирическая и героическая пьеса, в ней действуют простые, но горячие и очень задушевные советские люди. В спектакле не чувствуется страсти, темперамента. Так рассудительно, так сухо, так спокойно играть эту беспокойную пьесу нельзя. Положительные образы пьесы должны быть теплее, отрицательные должны вызывать гнев. Технический секретарь райкома Чиждова не должна быть солидной, серой, скучной, важной, декламирующей дамой. Этот образ должен быть гораздо теплее и трогательнее. Секретарь райкома Ковалев (т. Шейн) тоже не должен быть таким пресным, рассудительным и простоватым. Настасья Петровна, соседка Грекова — хорошая советская женщина, сердечная и отзывчивая, не мещанка, не сплетница, не дура. Нельзя ее играть бессмысленно хихикающей мещанкой, погрязшей в бытовом тине. В этом образе должна быть советская характерность, а сыграна дословная бытовая пошлость. Сорокин в спектакле совсем отсутствует. Актер (т. Каштанов) совершенно равнодушен к образу.

И, наконец, ведущий образ спектакля — образ Павла Грекова в исполнении т. Ильина. Это актер серьезный, культурный, даже тонкий (если вспомнить исполнение роли царя Федора). Упорство и спокойствие Грекова он показал, но самое главное — гнев и энтузиазм — не сыграл. Он создал слишком рационалистический образ Грекова, засунул его, лишил теплоты, обаяния, сердечной чуткости. Спокойствие большевика — не простой логический расчет, это — уверенность в победе страстного и темпераментного борца. Без страсти, без революционного темперамента нет

настоящего большевика. Павел Греков у Ильина самодовольно спокоен. На заседании парткома он любит себя, он выражает свое убеждение, что партия не может не восстановить его в своих рядах, равномерно-спокойным тоном. Никакой лирики, эмоциональности. Откуда эта боязнь изображать живых, волнующихся, по-человечески страдающих большевиков? Эта боязнь сердечности приводит к сухой, рационалистической ограниченности. Социалистический реализм — не скучная имитация бытовой действительности, это — вся жизнь, увиденная и поданная с увлечением, страстью и темпераментом изображенная с величайшим волнением и энтузиазмом.

Сцену в пограничном кишлаке надо все переделать. Мизансцены неясны, люди суетятся без толку, восточный акцент назойливо выпирает, получается фальшиво нарочито, пародийно. Сцена в купе и бегство Левинского из вагона не сыграны. Конец четвертой картины тоже не сыгран, последняя сцена смазана.

«Падь Серебряная» не принадлежит к числу достижений театра. Это ordinарный спектакль, но смотрится он легко и приятно главным образом благодаря лирически мягкой игре т. Малиновской, исполняющей роль Тани. Ее Таня — лукавая, жизнерадостная, кокетливая девушка, полная неистраченных жизненных сил. Когда нужно, она серьезна и сдержанна; когда можно, она шаловлива и задорно улыбается. Но читает стихи она беззвучно плохо. Лермонтова нельзя так читать.

Режиссер этого спектакля (А. Г. Георгиевский) проявил некоторую активность, но не всегда эта активность уместна. На вопросы старшего лейтенанта Черкасова Кульков отвечает машинально, скороговоркой, как будто его ответы зазубрены. Черкасов для чего-то крадется на дыпочках, чтобы спугнуть Таню, занимающуюся с красноармейцем Кульковым. Неподобно это на старшего лейтенанта Черкасова! Жена лейтенанта Мансурова бессмысленно хохочет и страшна фальшива от начала до конца. Японский офицер так усердно «играет», так нажимает, что теряет всякое чувство меры. Он слишком долго возится с молитвой и самоубийством, вытаскивает клинок из ножен, обворачивает его материей, расстегивается, направляет клинок себе в грудь. Эта нелепая комедия превращается в фарс, утомляет. Гневное и сатирическое изображение врага не должно превращаться в грубый и дешевый дубок. Фигура

Б. Ф. Ильин в роли Федора Иоанновича

Девяткина очень удалась т. Георгиевскому. Пропойцу и матерого заслуженного пионера он показал уверенными, широкими, реалистическими приемами. Георгиевский — очень интересный актер, соединяющий спокойствие опытного художника с яркой характерностью много выдавшего, наблюдательного и любопытного человека.

Лучшими спектаклями Свердловского драматического театра следует считать «Мать» Чапека и «Царя Федора» А. К. Толстого. О «Матери» я уже писал. Инициатива и творческая смелость театра должны быть признаны со всей категоричностью. Образ матери в исполнении т. Токаревой принадлежит к лучшим достижениям Свердловского театра.

«Царь Федор» раскрывает нам такого актера, как Ильин. Его Федор глубок, психологически убедителен и трогателен. Моменты безволия, кротости и душевной тишины ему очень хорошо удаются. Навязная беспомощность юродивого мечтателя, пытающегося сгладить и примирить все противоречия жизни, показана артистом с большой силой и истинной проникновенностью. Переходы к вспышкам яростного и неукротимого гнева, быстро себя изживающего, сделаны с тонким искусством и

сердечным трепетом. Но одиночества, трагического одиночества Федора Б. Ф. Ильин не передал. Сцена на паперти, очень удавшаяся театру, ослаблена тем, что у Федора здесь нет трагической силы, нет ужаса полного одиночества в мире. Ильин, тем не менее, решительно отказался в этой роли от присущей ему сухой размеренности и актерской солидности движений и жестов, нашел глубокие, эмоционально заразные, правдивые краски для выражения душевного смятения несчастного юродивого царя.

Спектакль раскрыл и Е. К. Амман-Дальскую как актрису. Она играет замечательную русскую женщину. Артистка передает большое чувство материнской и женской нежности к несчастному мужу, преданность и благородство в любви. Это лучшая роль Амман-Дальской.

Режиссерское разрешение спектакля (режиссер И. С. Ефремов) неровное. Сцена в саду у Шуйского раздражает своей штампованной суматошливостью. Бояре без толку суетятся, собираются в группы и снова рассыпаются в стороны. Только веселое щебетанье и любовный лепет княжны Мстиславской (арт. З. К. Малиновская) оживляют эту сцену. К несомненным удачам режиссера следует отнести последнюю знаменитую сцену трагедии — на паперти.

К наиболее крупным недостаткам спектакля относятся риторически-декламационная, фальшиво-патетическая манера чтения стиха А. К. Толстого многими актерами, неудачный лубочный образ Лупин-Клепшана, с глиняной маской, волосами из пакли и выпученными глазами, и удивительно равнодушное, бездушное исполнение роли Бориса Годунова. Арт. Каштанов делает Годунова монотонным, скучным, вялым. Он совсем не чувствует партнеров.

Свердловский драматический театр обладает большими возможностями. Он имеет сильный, крепкий, жизнеспособный и талантливый коллектив. В его составе работают такие интересные и способные к серьезному творческому росту актеры, как М. Н. Токарева, Е. К. Амман-Дальская, З. К. Малиновская, Б. Ф. Ильин, А. Г. Георгиевский, И. И. Олигин и др. Вокруг него замечательная, неповторимая, героическая жизнь страны и кипучая жизнь энергичного и жизнерадостного Свердловска. А театр скован каким-то суховатым раздумьем. Надо развязать темперамент, надо понять романтическую сущность социалистического реализма.

ПАВЕЛ НОВИЦКИЙ

Свердловский драм. театр имени Каменева